

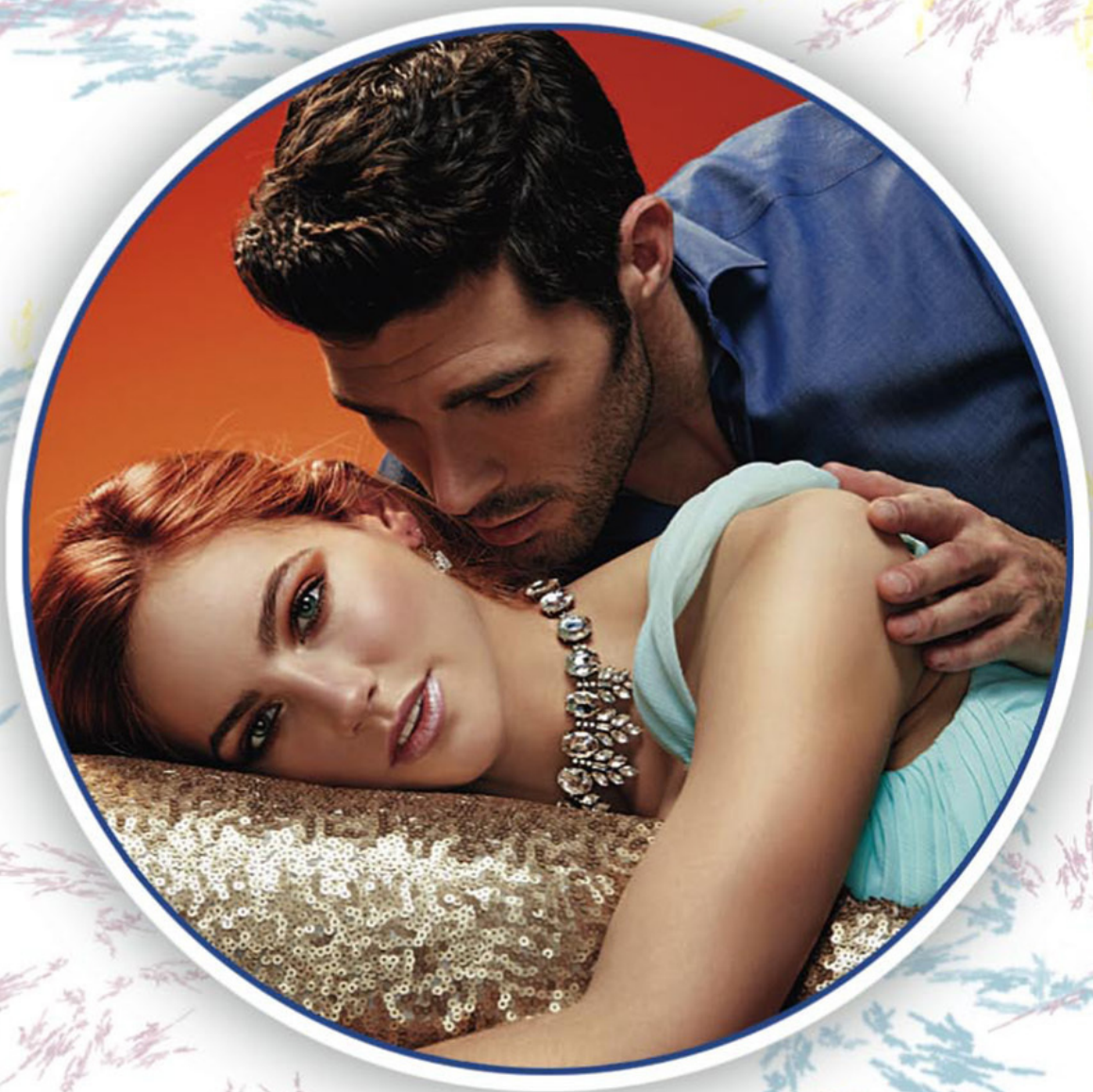
0797

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Энди Брок
**ТЫ МОЙ
ИЛИ НИЧЕЙ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Энди Брок

Ты мой или ничей

«Центрполиграф»

2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Брок Э.

Ты мой или ничей / Э. Брок — «Центрполиграф»,
2017 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08023-3

Лукас Каланос четыре года отбывал тюремное наказание за преступление, которого не совершал. И теперь он считает, что во всех его бедах виновата Калиста, дочь человека, причинившего ему много бед. Когда-то у них с Калистой был роман, но теперь Лукас одержим жаждой мести. Он еще не знает, что есть обстоятельство, способное нарушить все его самые смелые замыслы...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08023-3

© Брок Э., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Энди Брок

Ты мой или ничей

The Greek's Pleasurable Revenge © 2017 by Andrea Brock

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

– Проблемы нам не нужны, Каланос.

Лукас сердито стряхнул руку с рукава своего темного костюма, прежде чем одарить ее обладателя ледяным взглядом.

– Проблемы? – Он внимательно посмотрел в лоснящееся от пота лицо мужчины средних лет, который тщетно пытался урезонить его. – А с чего ты взял, что от меня могут быть проблемы, Янис?

Мужчина отступил на шаг и оглянулся в поисках поддержки.

– Послушай, Каланос, это похороны моего отца, вот и все. Время отдать дань уважения.

– Ах да, дань уважения, – со злобным сарказмом процедил сквозь зубы Лукас. – Я так рад, что ты мне напомнил. Так вот почему тут полно народу. – Он окинул неприязненным взглядом небольшую группку людей у могилы. – Очень многие хотят «отдать дань уважения» столь достойному человеку.

– Это семейные похороны, вот и все. – Янис отвел глаза. – И тебе тут не место, Лукас.

– Нет? Ну тогда плохо дело!

Лукас и сам не горел желанием быть на этих похоронах. Он вообще не хотел, чтобы этого ужасного человека хоронили. У Лукаса на него были совсем другие планы. Ведь этот негодяй убил его отца. И по его воле Лукаса упекли в каталажку за преступление, которого он не совершал. Четыре с половиной года Лукас провел в одной из афинских тюрем в компании настоящих отбросов общества. У него было полно времени, чтобы разобраться в мельчайших деталях его предательства и – что еще хуже – предательства его отца.

Четыре с половиной года он вынашивал месть. И что в итоге? Ни-че-го!

Потому что виновник всех его несчастий, Аристотель Гианопулос, умер в тот самый день, когда Лукас вышел на свободу. Как знал!

И вот теперь Лукас наблюдает, как гроб медленно опускают в могилу, пока священник торжественно читает последнюю молитву. Его холодные глаза внимательно рассматривают круг скорбящих в черных одеждах. Он смотрит на каждого долго и пристально, так чтобы они почувствовали и заметили его присутствие, чтобы встревожились и переключили все внимание с покойного на него – на того, кто жив.

Рядом с ним нервно переминается с ноги на ногу Янис Гианопулос, то и дело обеспокоенно поглядывая на него. Сын Аристотеля от второго брака, он совершенно не интересуется Лукасом. Его брат Крестос тоже здесь. А вот парочка деловых партнеров, бессменный адвокат Аристотеля и одна из его подружек – картинно вытирает слезы. Чуть в стороне стоят Петрос и Доркас – последние верноподданные Аристотеля, которые работали на него, сколько Лукас себя помнит. Глупцы.

Под изнуряющим полуденным солнцем на прекрасном греческом острове собрались морально искалеченные и сломленные люди, такие осколки жизни Гианопулоса. Собрались, чтобы похоронить человека, который, без сомнения, так или иначе оказал пагубное влияние на их судьбы. Но Лукаса не волновали все эти люди. Все, кроме одного. Точнее, одной.

В конце концов он остановил на ней взгляд. Молодая, изящно сложенная женщина с белой лилией в руке стояла, склонив голову. Калиста Гианопулос. Келли. Дочь Аристотеля от третьего брака. Единственное хорошее, что этот подонок сделал за свою жизнь. По крайней мере, Лукас так думал. До тех пор, пока она тоже не предала его.

На мгновение Лукас позволил себе насладиться ее явным беспокойством. Конечно, он узнал ее сразу же, как только вклинился в эту трогательную сцену. Пройдя через небольшое кладбище, Лукас миновал неухоженную могилу, где нашел последнее пристанище его соб-

ственный отец, и, приблизившись к свежевырытой яме, с удовольствием ощутил волну тревоги, что докатилась до него со стороны группки скорбящих.

И панику, охватившую Калисту при его появлении, он заметил сразу же. Хотя лицо ее было прикрыто вуалью, Лукас не пропустил вспышку ужаса, мелькнувшего в ее зеленых глазах, и то, как она покачнулась, прежде чем смогла взять себя в руки, и опустила взгляд.

Сейчас он смотрел, как она склонила голову еще ниже, словно пытаясь спрятаться от него. Но спрятаться от него шансов не было. Ни единого.

«Посмотри на меня, Калиста».

Лукас вдруг осознал, что ужасно хочет, чтобы она подняла на него глаза и встретила его негодующий взгляд. Хочет, чтобы она чувствовала себя виноватой перед ним, хочет видеть, что ей стыдно, хочет, чтобы она ощутила всю силу его презрения.

Или все же какая-то его часть, совсем маленькая часть, надеется, что он ошибся?

Но глаза Калисты были прочно прикованы к разверстой могиле, словно она была готова прыгнуть туда вслед за усопшим отцом, только бы оказаться подальше от него, Лукаса. Но нет! Ей не сбежать. Может, Аристотель и умер, прежде чем Лукас свершил свою месть, но Калиста-то вот она – живая, и ей придется ответить за все.

Лукас, прищурившись, неотрывно смотрел на нее. Как же он в ней ошибался! За годы общения они подружились, как считал Лукас. Они чудесно проводили летние месяцы на острове Таласса – в частном раю, купленном их отцами, когда их компания «Г&К Шиппинг» заработала свой первый миллион. На острове, ставшем символом успеха и вечной дружбы Гианопулоса и Каланоса.

Лукас, который был старше Калисты на восемь лет, вспомнил ту одинокую малышку, родители которой развелись, едва она выросла из пеленок. Ее невротичная сумасбродка мать на каникулы отправляла ее из Англии на Талассу – совершенно одну. И там жалкая неуклюжая Калиста хвостом таскалась то за одним, то за другим сводным братом по всей роскошной резиденции Гианопулоса. Ее нежная кожа быстро краснела под жарким греческим солнцем, а нос усыпали конопушки.

Она ходила по пятам и за Лукасом, разыскивая его на половине острова, которая принадлежала Каланосам. Обычно она встречала его лодку, когда он возвращался с очередной рыбалки, или же, вскарабкавшись на скалы, наблюдала, как он ныряет и плещется в кристально чистой бирюзовой воде, а потом приставала с разговорами о том о сем.

Потом она превратилась в нескладного подростка. К тому времени она осталась без матери, и ее устроили в школу-интернат, однако на летние каникулы она продолжала приезжать на Талассу. Келли прятала роскошную рыжую шевелюру под соломенной шляпой, а личико – за страницами какого-нибудь модного романа. Сводные братья ее больше не интересовали и Лукас, похоже, тоже. Хотя порой, когда она, думая, что он не видит, бросала на него взгляд своих прекрасных зеленых глаз и краснела до корней волос, если вдруг ловила взгляд ответный.

В восемнадцать лет Келли внезапно преобразилась в восхитительную женщину – Калисту. И она буквально затащила Лукаса в постель. С технической точки зрения в постели они не были – уложив момент, обошлись диваном в гостиной.

Лукас понимал, что это было неправильно, но устоять, конечно, не смог. Она была слишком хороша и соблазнительна, а он – сильно удивлен и польщен тем, что она выбрала именно его, чтобы лишиться девственности. Но оказалось, что она коварно обманула его.

И вот настало время расплаты.

Калиста почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног.

О нет, пожалуйста! Только не Лукас... Не здесь, не сейчас. Но ошибки быть не могло: она узнала мужчину, сверлившего ее тяжелым взглядом с противоположного края могилы. Он здорово возмужал и раздался в плечах, его хорошо сшитый костюм сидел на нем как влитой,

рукава плотно облегли внушительные бицепсы. Он стоял, скрестив на груди руки, всем видом давая понять, что уходит не собирается.

Калиста в панике опустила взгляд на могилу. Этого не может быть! Ведь Лукас Каланос сидит в тюрьме – отбывает наказание за соучастие в контрабанде оружия, которую организовал его отец, Ставрос, деловой партнер ее отца. И из-за этого преступного предприятия ее семья разорилась. Именно поэтому пять лет назад она уехала, отказавшись от своего грязного греческого наследства. Уехала, чтобы оказаться подальше от скандала, от склок между ее братьями, от отца, впавшего в алкогольную депрессию.

Но больше всего она хотела оказаться как можно дальше от Лукаса Каланоса – мужчины, который лишил ее девственности и разбил ее сердце. И оставил ей напоминание о себе – такое, от которого никуда не деться.

При мысли о маленькой дочурке губы Калисты задрожали. С Эффи все в порядке, она находится в полной безопасности дома, в Лондоне, и, возможно, прямо сейчас носится вокруг бедной Магды, ближайшей подруги Калисты, которая присматривает за крохой. Калиста торопилась домой, она не хотела оставаться здесь дольше, чем это необходимо, – пары дней хватит за глаза, чтобы завершить дела, подписать документы и навсегда уехать с этого острова.

Похоронная церемония почти завершилась. Священник призвал скорбящих присоединиться к последней молитве. Потом на крышку возложили цветы, и посыпались первые комья земли, ударявшиеся о полированное дерево с глухим стуком, от которого Калисту пробрала дрожь.

– Холодно? – Она ощутила крепкую хватку на своем локте. – Или так сильно расчувствовалась?

Он говорил на безупречном английском, хотя Калиста вполне неплохо понимала по-гречески. Лукас развернул ее к себе, держа так цепко, что вырваться не было никакой возможности, и угрожающе навис над ней, глядя сверху вниз.

– Лукас, пожалуйста... – Калиста заставила себя выдержать его жгучий взгляд, от которого ноги ее стали словно ватными.

Его непослушные темные кудри сменила короткая стрижка, из-за которой правильные черты его лица смотрелись более жесткими, линия скул, оттененная аккуратной щетиной, – более резкой. Но его глаза не изменились – темные, почти черные, завораживающие своей страстной выразительностью.

– Я приехала, чтобы похоронить папу, а не выслушивать твои оскорбления.

– О, поверь мне, любовь моя, что в плане оскорблений я даже не знаю, с чего начать. Настолько отвратителен был твой папаша.

Калиста судорожно сглотнула. Да, ее отца, конечно, не назовешь невинной овечкой. У него был весьма тяжелый характер, он здорово третировал ее маму, а некоторые его пристрастия окончательно и бесповоротно нарушили ее и без того хрупкое душевное равновесие. Откровенно говоря, именно он стал причиной ее передозировки. И тем не менее он был ее отцом.

– Буду благодарна, если ты перестанешь говорить о моем папе в таком тоне. И вряд ли ты вправе судить кого бы то ни было.

– Да неужели? – Темные брови поползли вверх в притворном удивлении. – И почему же?

– Ты сам прекрасно знаешь почему.

– О да. Ужасное преступление, в котором меня обвинили. Вот как раз об этом я и хотел поговорить с тобой.

– А я совсем не хочу говорить с тобой – об этом или о чем-то другом.

«Особенно о чем-то другом».

Холодная дрожь ужаса пробежала по ее позвоночнику при мысли о том, что может сделать Лукас, узнав об их дочери.

Вообще-то Калиста не собиралась скрывать рождение Эффи от Лукаса – по крайней мере, сначала. О своей беременности она узнала, будучи уже на пятом месяце, довольно долго считала, что виной тошноты, усталости и отсутствия месячных является стресс. Потому что ведь нельзя же забеременеть от первого и единственного в жизни секса, правда?

Разумеется, столь сильный стресс, который испытала Калиста, прежде чем узнала, что беременна, пошатнул бы здоровье человека куда более сильного, чем она. Внезапная смерть Ставроса, делового партнера и ближайшего друга ее отца, а потом ужасный скандал вокруг их компании, из-за которого бизнесу пришел конец. И в довершение всего – открытие, что Лукас причастен к контрабанде.

К тому времени, как она побывала у врача, Лукас уже ждал суда. А в день, когда она, одинокая и испуганная, попала в больницу на месяц раньше срока, чтобы пройти через мучительные роды, в которых ее поддерживала только акушерка, Лукасу вынесли приговор. Суд безоговорочно признал его виновным и дал восемь лет тюрьмы. И в день рождения дочери Калиста решила подождать, пока Лукас выйдет на свободу, и лишь потом рассказать ему об Эффи. Восемь лет казались целой вечностью. Временем достаточным, чтобы устроить свою жизнь в Англии, стать сильной и независимой. Вот так рождение малышки и осталось для Лукаса тайной.

И вот пришло время, когда Лукас должен узнать, что он отец. Это его право. Но только не прямо сейчас. Ей нужно подготовить себя – и Эффи. Она должна быть уверена, что он не причинит им вреда.

– Калиста, люди расходятся. – Неподалеку от нее, но на безопасном расстоянии от Лукаса Янис пытался привлечь ее внимание. – Они ждут, чтобы поговорить с нами.

– Расходятся? Так скоро? – скептически фыркнул Лукас. – А как же прощание с покойным? Как же тосты за великого человека?

– Лодки уже ждут, чтобы переправить всех желающих на материк. – Янис вытер пот со лба. – Лучше было бы и тебе туда отправиться.

Лукас расхохотался:

– Забавно, а я только что подумал то же самое о тебе.

– Ты принес разорение и позор нашей семье, Каланос, но Таласса – единственное имущество, которое отцу удалось сохранить. Сейчас ты владеешь половиной острова, но это ненадолго.

– Правда?

– Да. Мы намерены потребовать половину острова в качестве компенсации на причиненный нам твоим отцом ущерб. Наши адвокаты не сомневаются, что это дело мы выиграем. – Янис изо всех сил пытался говорить твердо и уверенно.

– Мы?

– Мы с братом. И Калиста, конечно.

При упоминании ее имени Лукас вдруг осознал, что обнимает Калисту за талию, и бросил на нее взгляд, полный такого омерзения, что у нее свело живот. Она и понятия не имеет, о чем толкует Янис. Она никогда не говорила с адвокатами ни о какой компенсации. Она вообще не хочет иметь никакого отношения к Талассе – ей не надо ни клочка этого острова, на который, как она полагает, она имеет право после смерти Аристотеля. И она не собирается бороться с Лукасом за его половину.

– Ну что ж, удачи. – Сузив глаза, Лукас отвернулся, давая понять, что этот разговор ему наскучил. – И кстати, нет. – Он снова повернулся к Янису и впериł в него гневный взгляд: – Вы должны бы знать, вы оба, что остров Таласса теперь принадлежит мне. Целиком.

– Да, конечно, – вмешался в разговор насквозь пропотевший Кростос, встав между Лукасом и Янисом. – Держишь нас за идиотов, Каланос? Ты же лжешь – это очевидно.

– Боюсь, что нет. – Лукас смахнул пылинку с рукава безупречно сшитого пиджака. – Я только удивлен, что ваши адвокаты вам не сообщили. Некоторое время назад я приобрел часть острова, которая принадлежала вашему папочке.

Лицо Крестоса побагровело, а Янис нашел в себе силы возразить:

– Это неправда! Аристотель никогда не продал бы тебе свою часть острова.

– А это и не потребовалось. Когда он и мой отец купили остров, они оформили собственность на своих жен. Трогательно, не находите? Или я наивен? Может быть, это была попытка уклониться от налогов? В любом случае это оказалось весьма удобно. Моя половина, разумеется, перешла ко мне после смерти моей матери – упокой, Господь, ее душу. Для того чтобы приобрести вашу половину, надо было только сделать первой жене Аристотеля предложение, от которого она не смогла отказаться. Даже передать вам не могу, как она обрадовалась. Особенно если учесть, что она и понятия не имела, что владеет половиной острова.

– Но ты же тогда сидел в тюрьме. Как тебе удалось повернуть это дело?

– Ты удивишься, такое дело возможно повернуть, если у тебя есть нужные связи на воле. – Лукас приподнял темную бровь. – Теперь я знаю, как можно найти человека для любого дела. Для абсолютно любого.

Янис заметно побледнел и повернулся к Калисте, словно ища у нее поддержки, но она лишь пожала плечами. Ей наплевать, кто владеет островом. Она просто хочет поскорее убраться отсюда.

Между тем Крестос, всегда больше полагавшийся на мускулы, нежели на мозги, сжал кулаки, демонстрируя свою злость и возмущение.

– Меня ты не напугаешь, Каланос! Я до тебя доберусь в любой момент!

– Я, кажется, слышал, что вас ждет лодка? – с преувеличенным равнодушием поинтересовался Лукас, буравя его ледяным взглядом.

Крестос было сделал шаг вперед, но Янис схватил его за руку и потащил в сторону, чтобы удержать от необдуманных поступков. Он резко повернулся и нечаянно наступил на зеленый брезент, покрывавший свежую землю у края могилы, ноги его заскользили, и оба брата чуть было не полетели в яму, но в последний момент сумели восстановить равновесие.

Янис снова потянул брата за рукав, стараясь спасти от унижения, удара в нос или от того и другого сразу.

– Ты еще пожалеешь об этом, Каланос! – прокричал через плечо разбушевавшийся Крестос, пока Янис упорно тащил его прочь, маневрируя между могилами. – Ты за это заплатишь!

Калиста в изумлении наблюдала, как удаляются ее сводные братья. Разве они не собирались провести на острове пару дней, чтобы разобраться с делами и подписать документы? Похоже, передумали. И кажется, их не волнует, что они оставили ее наедине с Лукасом. Да уж, каждый сам за себя. Или каждая... Но это вовсе не значит, что ее здесь что-то держит. Разве что этот устрашающий мужчина, который словно прирос к земле рядом с ней.

Она вдруг осознала, что до сих пор держит в руке лилию. Шагнув к могиле, Калиста разжала пальцы, цветок упал на гроб – ее последнее безмолвное «прощай» отцу. В горле встал ком. Не из-за отца – ее связь с ним всегда была какой-то тягостной, омраченной болью и страданиями. Просто Калиста понимала, что прощается не только с Аристотелем, но и с Талассой, со своим детством, со своим греческим наследством. Этот этап ее жизни завершился.

Она было развернулась, чтобы уйти, но тут же наткнулась на непреодолимую преграду – широкую крепкую грудь Лукаса. Поправив сумочку на плече, она попыталась его обойти.

– Если позволишь, мне пора.

– Куда это, например?

– Я уезжаю с острова вместе со всеми, разумеется. Остаться здесь мне совершенно незачем.

– Ошибаешься. – Крепко ухватив Калисту за запястье, Лукас притянул ее к себе. – Ты, любимая, никуда не собираешься.

Калиста вздрогнула, ее охватила паника, она ощутила какой-то парализующий страх... Странно, но она не назвала бы это чувство совсем неприятным.

– Что ты имеешь в виду?

– Только то, что сказал. У нас с тобой есть незавершенное дело. И ты не уедешь с Талассы, пока я не позволю.

– И что же, ты намерен держать меня в плену?

– Если понадобится – да.

– Не будь смешным!

Она старалась говорить жестко, твердо решив не тушеваться перед новым для нее – пугающе грозным Лукасом. Отстранившись, она многозначительно посмотрела на свое плененное запястье, и тогда он отпустил ее руку.

– И что же это за незавершенное дело? Как я уже сказала, нам не о чем говорить.

Произнося эту ложь, она так крепко сжала кулаки, что ногти впились ей в ладони. Но нет, она не станет сообщать ему об Эффи. Если бы он прознал о том, что у него есть дочь, он немедленно разрушил весь ее мир.

– Не говори мне, что ты забыла, Калиста. Потому что я-то ничего не забыл. Скажем так, образ твоего полуобнаженного тела на моем диване не покидал меня все эти годы. Возможно, я вызывал его в памяти куда чаще, чем должен был. Что поделать – так влияет на человека тюрьма. Приходится искать удовольствие где только можешь.

Келли вспыхнула, мысленно порадовавшись, что темная вуаль частично скрывает ее лицо. И тут же Лукас нежно, почти благоговейно приподнял и откинул назад тончайшую ткань. На мгновение Калисте показалось, что он хочет поцеловать ее, словно она этакая невеста в черном.

– Так гораздо лучше.

Он так жадно разглядывал ее, что у нее захватило дух. Каждая, буквально пропитанная тестостероном секунда казалась дольше предыдущей. Под его пристальным страстным взглядом ее кожу словно покалывало, а сердце бухало в груди, как барабан.

– Я и забыл, как ты прекрасна, Калиста.

Она с шумом выдохнула. После их весьма неприятного разговора она никак не ожидала от него комплиментов. Хотя этот комплимент прозвучал несколько угрожающе.

– Не могу передать, с каким нетерпением я ждал продолжения наших отношений. Ждал почти пять долгих лет.

Нет! Калиста с трудом подавила рыдание. Он же не думает, что она снова повторит свою катастрофическую ошибку?! Ее снова охватила паника, по спине пробежал ледяной озноб.

– Если ты вообразил, что я опять лягу с тобой в постель, Лукас, ты сильно ошибся.

– В постели... на диване или спиной к стене прямо здесь, у могилы твоего папочки, как пожелаешь. Мне все равно. Я хочу тебя, Калиста. И предупреждаю, если я чего-то хочу, я это получаю. Без вариантов.

Глава 2

Тревога исказила нежные черты лица Калисты...

Лукас не лукавил, когда сказал, что она прекрасна. Она стала даже красивее, чем была в ранней юности. С годами ее лицо стало более изящным, четче обозначились высокие скулы и твердый подбородок. Маленький прямой нос по-прежнему усеивали очаровательные конопущки, а ее губы... Все такие же – чуть припухшие, нежно-розовые... И очень соблазнительные – даже кривящиеся в презрительной гримаске.

И как только Аристотелю удалось произвести на свет такое восхитительное создание – уму непостижимо. Несомненно, Калиста похожа на свою мать, Диану, актрису и модель, чья красота привела ее к трагическому концу. Дочь унаследовала оттенок волос и кожи матери, но высокая длинноногая Диана была более хрупкого телосложения, Калиста же – миниатюрная, с большой грудью, тонкой талией, красиво очерченными женственными бедрами, по изгибу которых так и хотелось провести ладонью. Глядя на Калисту, Лукас ощутил мощнейший прилив желания и, повинуясь ему, провел по ее руке, наслаждаясь нежностью ее кожи.

– Пойдем. – Он решительно зашагал через кладбище, увлекая Калисту за собой и чувствуя себя при этом каким-то пещерным человеком.

– Лукас, перестань!

Ну уж нет. Ее протест только раззадорил его – он во что бы то ни стало приведет ее на свою виллу и уложит в свою постель. Он так долго этого ждал, что не позволит мимолетным сомнениям нарушить его планы. И уж конечно, ее возражения ему тоже не помешают.

– Лукас, прекрати, отпусти меня!

Они достигли небольшой рощицы за старой часовней, где он оставил свой мотоцикл. Встав так, что Калиста оказалась между ним и мотоциклом, Лукас наконец отпустил ее руку. Калиста отшатнулась, ее зеленые глаза полыхали гневом.

– Черт возьми, что за игру ты затеял?

– О нет, Калиста, я не играю с тобой. Вовсе нет.

– А что тогда? Что ты пытаешься доказать? Почему ведешь себя как... как какой-то ужасный бандит?

– Возможно, потому, что я им стал. – Он окинул ее тяжелым взглядом. – Возможно, именно это делают с человеком четыре с половиной года, проведенные в тюрьме.

Нервы Калисты натянулись до предела.

– Я вообще не понимаю, почему ты здесь. Тебе же дали восемь лет!

– Скостили срок за хорошее поведение. – Его глаза холодно блеснули. – Понимаешь ли, я был там настоящим пай-мальчиком. А теперь я намерен наверстать упущенное. Надеюсь, мое досрочное освобождение не расстроило тебя?

– Нисколько. Меня вообще не заботит, где ты и чем занимаешься.

– Отлично. Садись-ка на мой мотоцикл. Поедем на виллу «Елена».

– Нет, не поедем. Я никуда с тобой ехать не собираюсь.

– Зато я собираюсь. И очень надеюсь, что мы с тобой сделаем это без лишних затруднений.

И, быстро обхватив Калисту за талию, Лукас легко приподнял ее и без церемоний усадил на мотоцикл. Тонкая ткань платья соблазнительно обтянула ее бедра.

Лукас с трудом подавил прилив желания.

– Если ты меня сию же секунду не отпустишь, я закричу.

– Да кричи на здоровье. – Он нехорошо улыбнулся. – Мне без разницы. Твои дорогие братишки удрали с другими скорбящими. И теперь уже плывут к материку. Так что тебя никто не услышит.

Он заметил страх в ее глазах, однако она не пошевелилась. Гордость не позволяла ей закричать и тем самым доставить ему удовольствие. И это лишь усилило его восхищение – и возбуждение. На кожаном сиденье его мотоцикла Калиста смотрелась очень эротично – красиво изогнутая спина, ниспадающие на плечи роскошные тициановские волосы. Упавшая с головы траурная вуаль валялась у ее ног.

– Послушай... – Она заговорила примирительным тоном, явно решив сменить тактику. – Ну к чему вот это вот все?

– А ведь тебе так нравился этот мотоцикл, Келли. – Он намеренно называл ее уменьшительным именем, словно возвращая в их жаркое летнее прошлое. – Ты всегда была готова прокатиться на нем.

– Думаю, с тех пор мы оба повзрослели. – Калиста резко откинула назад свои рыжие волосы. – Я уж точно.

– С этим не поспоришь. – Лукас невесело хохотнул. – Помнится, в нашу последнюю встречу мы занимались кое-чем весьма взрослым.

Она снова вспыхнула, словно он напомнил ей о чем-то постыдном. Может, так оно и было.

– Что ж, уверяю тебя, это не повторится, несмотря на твои угрозы.

– Не угрозы, Калиста, а обещание.

– Знаешь, Лукас, ты весьма самоуверенный тип. – Ее изумрудные глаза гневно сверкнули. – Я тебе обещаю: то, что тогда между нами произошло, больше не повторится. Никогда.

– Нет? Ты в этом уверена?

– Абсолютно!

– Тогда давай-ка вернемся на мою виллу на пару часов, это ведь тебе никак не повредит? Или ты сама себе не веришь, а?

– Себе я верю, Лукас. А вот тебе – нет.

– Ах да. Совсем забыл! Я же записной злодей.

– Вот именно!

Что ж, надо отдать ей должное – с годами она научилась не тушеваться.

– Между нами ничего не произойдет, если ты сама не захочешь.

Вскочив на мотоцикл, Лукас повернул ключ в замке зажигания, крепче взялся за руль и с удовольствием ощутил вибрацию своего ожившего механического зверя.

– На твоём месте я бы держался крепче, – через плечо посоветовал он своей невольной пассажирке, повернул ручку газа, и мотоцикл взревел, словно подтверждая его слова.

Они рванули с места в карьер и понеслись прочь с кладбища, оставив его навеки упокоившихся обитателей с миром.

Они мчались вдоль скалистого побережья, испещренного одинокими утесами и живописными уединенными бухточками, перед ними разворачивались потрясающие греческие пейзажи. Щурясь от ярких бликов, игравших на морской воде, Калиста вдруг осознала, что ощущает вовсе не страх, а возбуждение. Она чувствовала себя по-настоящему живой, как никогда бодрой, и думала, как же хорошо вернуться на Талассу. И как сильно она скучала по этому райскому острову.

Она чуть-чуть подвинулась, устраиваясь удобнее, и тут же ощутила, что широкая спина Лукаса слегка взмокла от тепла ее груди, мышцы пресса напряжены под ее ладонями. По ее телу вдруг прошла опасная дрожь удовольствия от его близости. Оказывается, она скучала не только по острову... И это открытие здорово обеспокоило ее.

Свернув с прибрежной трассы, Лукас направил мотоцикл по грунтовой дороге, что вела к вилле «Елена», и лихо остановился у главного входа, подняв вихрь пыли. Быстро спешившись, он подал Калисте руку, буквально стащил ее с мотоцикла и увлек в дом.

В доме все было так, как она помнила. Даже запах был ей знаком – какой-то одновременно уютный и беспокоящий. Она прошла вслед за Лукасом по прохладному коридору в просторную гостиную, занимавшую всю центральную часть виллы. Здесь было тихо и темно, пока Лукас не распахнул двойные двери на улицу и не поднял жалюзи, впустив в комнату потоки яркого солнечного света. Калиста заморгала. Перед ней открылась роскошная панорама Эгейского моря.

– Выпьешь? – Лукас взял из буфета два стакана и потянулся за графином с виски.

– Нет, спасибо.

– Не возражаешь, если я выпью? – Плеснув себе изрядную порцию, Лукас одним глотком осушил стакан и налил еще. Очевидно, ее разрешения он ждать и не собирался.

Калиста быстро обвела глазами хорошо знакомую ей комнату: белые стены, украшенные яркими местными картинами, простая деревянная мебель и белый мраморный пол. Ей всегда нравился этот дом. Куда больше, чем вилла ее семейства, поскольку Аристотель за годы увлечения разными женщинами, чтобы произвести впечатление, стремился продемонстрировать свое богатство, а не создать уют.

Вилла «Елена» же была гораздо более скромной, но при этом не лишенной современного комфорта. Здесь имелся прекрасный бассейн, пять спален, тренажерный зал, библиотека и даже вертолетная площадка, на которой Калиста заметила вертолет.

Так вот как он добрался сюда...

– Итак, что это за незаконченное дело? – Она решила взять инициативу в свои руки. – О чем ты хотел поговорить?

– Разговоры могут подождать. – Лукас остановился напротив Калисты, глядя в ее покрасневшее лицо. – В данный момент я куда больше заинтересован в действиях. Сейчас я хочу, чтобы ты поцеловала меня так, как тогда, когда мы были здесь с тобой в последний раз, любовь моя. Ты помнишь?

Калиста вдруг почувствовала, как пол уходит у нее из-под ног. Конечно, она помнит. Она помнит каждое мгновение, каждую умопомрачительную деталь той встречи, что изменила всю ее жизнь. Все эти пять лет она жила воспоминаниями о той встрече – на праздновании ее восемнадцатилетия теплым июньским вечером...

Сдав все экзамены, Калиста покинула наконец опостылевшую школу, которую терпеть не могла, и намеревалась в полной мере насладиться несколькими неделями горячего греческого солнца, прежде чем вернуться в Великобританию и приступить к учебе в университете.

Она с нетерпением ждала той вечеринки, хотя на праздник были приглашены в основном деловые партнеры отца с их семьями, а не ее друзья. Лишь одного человека Калиста хотела видеть на своем празднике непременно – Лукаса. Для него она постаралась выпрямить свои буйные рыжие кудри, подвела глаза, накрасила губы и надела короткое шелковое платье изумрудного оттенка. Застегнув золотые босоножки на убийственно высоких каблуках, Калиста была готова во всеоружии встретить Лукаса.

Если бы он появился...

Сказать, что она была разочарована, значит не сказать ничего. Хрупкая надежда Калисты таяла с каждой новой группой гостей, в числе которых его не было. Казалось, на их виллу выплеснулось целое море людей. Все они смеялись, выпивали, танцевали...

В конце концов приехал отец Лукаса. Он пребывал в крайне возбужденном состоянии, разыскал Аристотеля и вызвал на приватный разговор. Спросить у него, приедет ли Лукас, у Калисты не было ни шанса. И она решила взять дело в свои руки. Для начала она сбежала и угнала машину. Или, скажем так, позаимствовала машину Ставра, недальновидно оставившего ключ в замке зажигания. К тому моменту Калиста успела взять лишь несколько уроков

вождения, так что прав у нее не было, но зато было непреодолимое желание встретиться с Лукасом, и мелочи ее не останавливали.

Каким-то чудом ей удалось преодолеть путь до виллы «Елена» по извилистой прибрежной дороге и не врезаться в утесы. После чего с бутылкой шампанского в руке и улыбкой победительницы на губах она ворвалась в дом и обнаружила Лукаса, с озабоченным видом вышагивающего по комнате. Он изумленно воззрился на нее.

– Келли! Ради всего святого, что ты здесь делаешь?

– Приехала к тебе, конечно. Сегодня мой день рождения, если ты забыл.

– Нет, не забыл. Поздравляю с днем рождения.

Слова он произнес, но в них не было тепла, как не было ни сопровождающего поцелуя или хотя бы объятий. Вместо этого он смотрел куда-то за ее плечо.

– Ты видела моего отца?

– Да, он приехал на праздник. И ты должен был приехать. Ты же обещал, Лукас!

– Он нормально выглядел?

– Да. А что?

– Он уехал в большой спешке и отказался сказать мне, что случилось.

– Ну, мне показалось, что он в порядке, – слушала она, не подозревая о последствиях. – Он поболтал с папой. Он сказал мне съездить за тобой.

– И сам дал тебе ключи от машины? – Лукас был крайне озадачен.

Но Калиста не была в настроении болтать о Ставроле. Вплоть до этого момента она не была вполне уверена, для чего она здесь, но теперь внезапно поняла. Она хочет, чтобы Лукас занялся с ней любовью.

Калиста хорошо помнила его удивление, когда она бросилась к нему на шею и нечаянно здорово огрела его бутылкой шампанского по спине. Он наконец улыбнулся и сказал, чтобы она не глупила спьяну, но, взглянув ей в глаза, все понял... Она больше не была ребенком. И прекрасно знала, что делает. Что она желала его.

И все равно он сопротивлялся. Но она беззастенчиво прижалась к нему всем телом, отшвырнула шампанское на кресло и, запустив пальцы в его густые темные кудри, ощутила, что он просыпается в ответ на ее зов. А когда она наконец добралась до его губ, когда панику сменило желание, а потом и жаркая страсть, она уперлась спиной в диван, и дороги назад уже не стало.

И вот они снова здесь – в том же самом месте. И Калиста с ужасом поняла, что ее влечет к нему еще сильнее... Она желает его каждой клеточкой своего тела, совсем как той июньской ночью, несмотря на то что она знает о его преступлении и знает, кем он стал. Лукас теперь совсем не тот милый и очаровательный парень, в которого она влюбилась. Пропали его черные кудри, озорной блеск в глазах сменился мрачной решимостью, от которой по ее спине пробегал озноб.

И все равно она хочет его.

Все ее тело трепетало от желания отдаться ему. Он был слишком близко, и скрыться от его пронзительного горящего взгляда было невозможно.

– Конечно, я помню, – с трудом выдавила она, силясь взять себя в руки. – Но, поверь, я не хочу совершать ту же ошибку снова.

– Так то, что произошло, было ошибкой? Интересный выбор слова.

– Да... да. Именно так. – Румянец залил ее щеки.

– Потому что, видишь ли, я вовсе не считаю это ошибкой. – Он наклонился к ней ближе. – Я думаю, ты все спланировала тогда.

– О чем это ты? – прошептала она помертвевшими губами.

– А теперь пришло время претворить в жизнь мой план. Моя очередь соблазнить тебя.

– Нет, Лукас! Не будь смешным! – Она попыталась вырваться, но он держал ее крепко.
– И знаешь что? Я очень, очень этого ждал.

Он вдруг впился губами в ее губы, запустив руку в ее волосы и держа за затылок, крепко прижал ее к себе. Шансов сбежать у нее не осталось. Даже если бы она захотела. Даже если бы ей удалось собрать всю волю в кулак, которая испарилась при первом же прикосновении его губ.

Его язык легко приоткрыл ее губы и продолжил вторжение. Это был властный, голодный, жадный поцелуй, вызванный обуревавшей его страстью, с которой он не мог совладать. Страстью бескомпромиссной, дикой, подавляющей волю. Противостоять которой невозможно.

И вопреки всему – вопреки неразберихе и хаосу в их жизни – Калиста почувствовала, как она словно растворяется в блаженстве. Ее затопила жаркая истома, всю целиком, вплоть до самого центра страсти, пульсировавшего горячо, тяжело и неумолимо. А Лукас продолжал свое искусное наступление, заставляя ее лхнуть к нему, содрогаясь от наслаждения, когда его рука, легко скользнув по ее ягодицам, продолжила свой путь к самому сокровенному месту, символизирующему полное подчинение и обладание.

Она тихонько застонала, но еще более страстный и глубокий поцелуй Лукаса подавил ее стон. Его властная горячая рука беспощадно прижала ее к его телу так, что она ощутила рвущуюся на волю мужскую силу. Если она и попыталась хоть слегка сопротивляться, то теперь целиком и полностью растворилась в очевидном доказательстве его возбуждения, и ее собственное тело немедленно откликнулось на его призыв мощным импульсом.

Крепко прижимая Калисту к себе, Лукас повлек ее куда-то, пока она не уперлась спиной в стену. Бежать было некуда. Да она никуда и не хотела бежать. Никуда, только в манящее темное царство власти Лукаса.

На секунду их глаза встретились, и у Калисты перехватило дыхание – таким пугающе диким вдруг показалось ей его красивое лицо. Но стоило его губам встретиться с ее губами, и она вновь стала не в состоянии думать ни о чем, утонув в пучине сексуального желания, в предвкушении утоления которого дрожало все ее тело.

Он обхватил руками ее бедра и приподнял их, и она немедленно обвила ногами его талию, стремясь оказаться как можно ближе к его жарко пульсирующей плоти. Он издал одобрительный рык или, возможно, победный... ей уже было все равно. Его рука нетерпеливо дернула ее платье, пальцы добрались до тончайшей ткани трусиков и того, что она скрывала, и он ощутил ее жар. Она нетерпеливо застонала от его прикосновения. Резко отпрянув от нее, он быстро сунул руку в карман пиджака, достал презерватив, зубами разорвал упаковку и одновременно скинул брюки, за ними последовали боксеры, затем он одним движением надел защиту и вновь прильнул к трепещущему телу Калисты. Закинул ее руки себе на шею, заставив крепко обхватить ее. Приподнял ее ноги, она обвила ими его талию, и он услышал, как стукнулись об пол ее упавшие туфли.

Он снова рванул ее трусики и коснулся ее, но уже не пальцами, даря ей обещание блаженства. И обещание это было выполнено. Секунду спустя он вошел в нее – неистово, глубоко и страстно, наполнив ее тело и душу неповторимым ощущением, которого она так ждала. И на несколько невероятных мгновений все в мире перестало для нее существовать. Ее стон удовольствия перешел в крик, который без слов требовал не останавливаться, двигаться все быстрее, сильнее и глубже, чтобы увлечь ее туда, куда она так боялась не попасть никогда.

И Лукас выполнил ее требование. Их тела двигались и двигались в унисон. И когда, не в состоянии больше сдерживаться, Калиста выкрикнула его имя, он зарычал, все его тело напряглось в сладкой судороге, и он зарылся лицом в копну ее роскошных волос.

Глава 3

Упершись ладонями в стену, Лукас словно заключил Калисту в клетку. Он не собирался отпускать ее на волю – пока нет. Дыхание его все еще было неровным, сердце бухало в груди, как молот. Он смотрел на нее сверху вниз, наблюдая, как она поправляет платье, словно пытаясь сделать вид, что ничего не произошло.

Но кое-что произошло. Он свершил свою месть. Наконец-то его хитроумный план, над которым он работал так тщательно и так долго, увенчался успехом. Во имя справедливости.

По крайней мере, так он себя убеждал. Но, если честно, тот роковой вечер, что свел их вместе, стал для него навязчивой идеей – лежа бессонными ночами, он переживал его снова и снова. И образ Калисты, всплывавший в его воображении, к мести никакого отношения не имел. Он стал для Лукаса запретным наслаждением. Мягкие округлости ее груди, нежное прикосновение ее шелковистой кожи, ее свежий аромат и легкое дыхание... Память уводила его далеко прочь за тюремные стены в поистине прекрасное место.

Несчетное количество раз он мысленно путешествовал по всему ее телу, не обделяя вниманием ни единого изгиба. И его собственное тело реагировало соответственно, пока он прислушивался к храпу соседа по камере и проклинал ситуацию, в которой оказался.

И вот теперь он свободен. Он достиг своей цели. Ну так и почему же он не ощущает триумфа? Где удовлетворение, к которому он так стремился? Разве произошедшего недостаточно?

Сам по себе секс более чем оправдал возложенные на него надежды. Как и в первый раз, между ними была какая-то химия, был порыв, выводивший секс совсем на другой уровень, словно они были созданы для того, чтобы убаживать друг друга. Но не так легко и приятно, как друзья или нежные любовники, а как-то дико и даже драматично.

Он мог бы взять ее снова – прямо здесь и сейчас, – он чувствовал, что может. Он чувствовал, что может делать это снова и снова. Он может держать ее на своей вилле и пользоваться ею, пока ему не надоест. Чтобы потом выбросить из своей жизни. Разве не этого заслужила она своим предательским поступком?

Лукас уже почти решил, что это прекрасная идея, но вдруг взглянул на себя со стороны. Мужчина тридцати одного года от роду стоит со спущенными штанами. Стоит и грезит о женщине, которая находится опасно близко, заставляя его терять контроль над собой. Возможно, ему нужно отступить и как следует обдумать свои мотивы. И как можно скорее.

Поспешно стянув презерватив и выбросив его, он надел трусы и брюки и, отвернувшись, принялся застегивать ремень.

– Ну а теперь выпьешь? – поинтересовался он через плечо, не глядя на Калисту.

– Лукас?.. – вопросительно прошептала она. Так, словно обращалась к кому-то, с кем давно не виделась и кто сильно изменился за время разлуки. Настолько сильно, что она сомневается, он ли это вообще.

Держа в руках два стакана с виски, он повернулся к ней, мысленно готовясь увидеть, что его ждет. И она тут же вперила в него взгляд своих зеленых глаз, взгляд, в котором читались потрясение, смятение, боль и что-то еще. Лукас не взялся бы сказать, что именно.

Очевидно, он заставил ее чувствовать дискомфорт. Но разве не к этому он стремился?

Остановившись напротив нее, он подал ей стакан и заметил, что ее протянутая рука дрожит. Едва завладев стаканом, Калиста сделала большой глоток. Казалось, виски помогло ей прийти в себя – ее бледные щеки зарделись нежным румянцем.

– Да, Калиста? – саркастично отозвался Лукас вопросом на вопрос и заметил, как она вздрогнула.

– Что с тобой произошло?

– Дай-ка подумать... – Он притворно замялся, словно вспоминая. – А! Ложь, предательство, обман, смерть отца и... ну конечно! Еще – четыре с половиной года в афинской тюрьме.

Она покачала головой:

– Я понятия не имею, кто ты теперь такой, Лукас. А ты знаешь?

– Я-то? Может быть, тот, кто свел нас? – Он глотнул виски. – И еще тот, кому ты позволила прижать себя к стене и поиметь. Почему так случилось, как думаешь?

– Я... я не знаю.

– А еще ты сломалась при первом же моем прикосновении, ты явно не хотела, чтобы я останавливался, ты выкрикивала мое имя так, словно получала от меня именно то, чего так желала.

О да, теперь ему лучше – ведь Калиста получила наказание, которое заслужила.

– И ты все еще одета в траур по поводу кончины твоего любимого папочки. А ведь твое поведение едва ли пристало скорбящей дочери? А, Калиста?

– Не пристало. Такого больше не случится. Я сожалею о том, что произошло, уж поверь.

– Не сомневаюсь, что сожалеешь. Но это вовсе не значит, что такого больше не случится. – Ему хватило одного шага, чтобы приблизиться к ней вплотную. – Потому что оба мы с тобой знаем, Калиста, что я могу взять тебя когда и где захочу.

Он видел, что его жестокие слова больно ранят ее. Но эта боль заставила ее вспомнить о гордости и вызвала всплеск адреналина в ее крови.

– Так вот к чему это все было? – Калиста резко расправила плечи и возмущенно тряхнула огненными кудрями. – Ты притащил меня сюда, чтобы доказать, что можешь заняться со мной сексом в отместку за прошлое?

– Что-то вроде того.

Она открыла рот, чтобы ответить достойно, но сорвалась:

– Ты подлая, мерзкая тварь – вот ты кто! Отвратительный кусок...

– Да, да... – отмахнулся он со скужающим видом. – Я такой и даже еще хуже. Можешь называть меня как тебе угодно, если тебе от этого лучше, вот только это ничего не изменит. А знаешь, что еще хуже? – Он лениво оглядел ее разгневанное лицо. – Ты даже не сопротивлялась. Я предвкушал испытание, я ощущал азарт предстоящей борьбы, думал, что мне придется очень постараться, чтобы победить тебя. Но в результате все оказалось куда проще.

Калиста словно получила удар под дых. Слова Лукаса шокировали ее так, что у нее свело желудок, и ей пришлось опереться на удачно стоявший позади стул, чтобы не упасть. Сделав глубокий вдох, она попыталась взять себя в руки. Затем, окинув напоследок Лукаса уничтожающим взглядом, развернулась, чтобы уйти.

Лукас молниеносно метнулся к двери и загородил ей дорогу.

– Не так быстро.

– Я хочу уйти. Пожалуйста. – Голос ее звучал разгневанно и расстроено одновременно.

– Нет. Уйдешь, когда я разрешу.

– Это часть твоего гениального плана? – с вызовом поинтересовалась Калиста, уперев руки в бока. – Удерживать меня здесь против моей воли? Словно арестантку? Так ты собираешься доказать, каким суровым мачо ты стал?

– Ты так думаешь? – Лукас окинул ее убийственным взглядом. – Мы оба знаем, что будет дальше. Ты в моей власти, Калиста. Можешь, конечно, притворяться, что ты разгневана, можешь изображать сопротивление. Но правда в том, что стоит мне пальцем тебя коснуться, и ты потеряешь волю. Ты будешь извиваться подо мной, сверху, снизу, ты будешь молить меня не останавливаться и будешь требовать все больше. Ну посмотри на себя! Ты жалкая, ну правда. Я тебе даже сочувствую.

Шлеп! Калиста изо всех сил врезала ему ладонью по щеке.

Лукас предвидел это. Он мог бы даже остановить ее. Долгое пребывание в компании с самыми жестокими в Греции преступниками обострило его инстинкты и научило просчитывать развитие ситуации. У Лукаса всегда была быстрая реакция, а теперь она стала молниеносной. Но он хотел прочувствовать гнев Калисты, хотел этого примитивного физического контакта, чтобы понять, что он задел ее по-настоящему. И он добился своего – жгучая боль от ее ладони заставила его сердце биться сильнее.

Он внимательно разглядывал ее: она стояла, вздернув подбородок, ее грудь, соблазнительно обтянутая черной тканью платья, бурно вздымалась, ее глаза полыхали диким зеленым огнем, словно она пребывала на грани безумия.

Казалось бы, он должен ликовать, ощущать триумф, но нет – его обуревали совсем иные чувства. Он жаждал вновь овладеть ее телом. А его единственная мысль была о том, как прекрасна эта женщина.

Он постоял молча, приходя в себя и ожидая, что она сделает дальше. Он почти хотел, чтобы она ударила его снова, тогда, схватив ее за запястье, он смог бы вновь войти в физический контакт с ней и посмотреть, к чему это приведет. Но вместо этого она безвольно уронила руку и опустила темные опала ресниц. Ее нижняя губа задрожала.

– Применяешь насилие, Калиста? – Он глумливо хохотнул. – Раньше я за тобой этого не замечал.

– Не больше, чем ты того заслуживаешь.

– Нет? Может быть. Но если уж мы взялись говорить начистоту, то пора бы тебе взглянуть на себя.

Она вскинула голову и со страхом посмотрела на него.

– Что ты имеешь в виду?

– Ой, да ладно тебе, Калиста, не притворяйся. Ты же понимаешь, что я знаю.

– Знаешь... о чем?

Если у Лукаса и были еще сомнения о том, какую роль Калиста сыграла в его падении, то сейчас они отпали. На ее хорошеньком личике было написано: «Виновата», написано большими жирными буквами. Ее всю колотило, она поднесла трясущиеся руки ко рту, а ноги явно отказывались держать ее.

Он злобно рассмеялся:

– Ты в самом деле хочешь, чтобы я это сказал?

– Лукас... я...

– Я скажу, если хочешь.

Отойдя от Калисты на пару шагов, Лукас повернулся к ней и буквально пригвоздил к месту осуждающим взглядом.

– Давай-ка вернемся в тот вечер, когда праздновали твоё восемнадцатилетие. В тот вечер, когда мой отец узнал, что полиция обыскала одно из судов и нашла там оружие. И пока Ставрос был на вилле «Мелина», пытаюсь выяснить, какого дьявола происходит, твой папаша подослал тебя развлечь меня. С чем ты справилась просто блестяще, должен тебе сказать. – Он замолчал, вздрогнув от отвращения. Потом продолжил: – Должно быть, Аристотель гордился тобой. Пока мой отец умирал от сердечного приступа, ты играла роль обольстительницы... пока люди искали вертолет, чтобы отправить его на материк, мы бились в агонии страсти. А когда вертолет все-таки нашли, было уже слишком поздно.

– Нет, Лукас. – Калиста закусила трясущиеся губы. – Все было совсем не так!

– О, все было именно так, Калиста. Прежде чем отец смог защитить себя и доказать свою невиновность, у него случился сердечный приступ, и он умер. Держу пари, Аристотель поверить не мог в такую удачу.

– То... то, что ты рассказал, просто ужасно...

– Да уж, это было ужасно, – с издевкой передразнил Калисту Лукас. – Он не только наживался на торговле оружием, но и, когда его поймали с поличным, подставил моего отца. Предал старого друга. Что может быть ужаснее.

– Нет! Я тебе не верю! – зарыдала Калиста. – Мой отец не причастен к контрабанде оружия. И он бы никогда не предал Ставроса.

– Ага, и, полагаю, он не причастен к моему аресту и к тому, что меня посадили на четыре с половиной года. – Лукас грубо расхохотался.

– Нет! Я не верю тебе. Как такое вообще было возможно?

– Вполне легко, как оказалось. У твоего отца были нечистые на руку друзья в высших кругах. Или, лучше сказать, в низших кругах?

– Нет! Это все твои выдумки!

– Не притворяйся, что ты не знала. – Лукас провел рукой по коротко стриженным волосам. – Не сомневаюсь, все эти годы ты старалась переосмыслить все ваши вероломные действия так, чтобы заглушить свою совесть и спокойно спать по ночам. Но суть в том, что ты предала меня. Ты продала свою невинность за мою вину.

Калиста отвернулась и направилась к открытым дверям на террасу. У нее не было сил смотреть на Лукаса – что ж, и неудивительно. А он не отрывал глаз от ее силуэта, темным пятном вырисовывавшегося на фоне лазурной синевы моря и неба. Он слушал шум крови в ушах, чувствовал тяжесть в груди... Нет, с Калистой он еще не закончил!

– Так что, любовь моя, как видишь, это был мой маленький реванш. Я отплатил тебе твоей же монетой.

Подойдя к ней, он положил ей руку на плечо и развернул к себе лицом, так чтобы она не могла избежать тяжелого взгляда его темных горящих глаз.

– Так скажи мне, Калиста, каково это – чувствовать, что тебя использовали?

Калиста, шокированная, попыталась проглотить вставший в горле ком. Сердце ее неистово колотилось, ладонь, соприкоснувшись с лицом Лукаса, жгло огнем. Она с трудом пыталась осмыслить все те ужасные вещи, о которых рассказал ей Лукас.

Ее отец занимался контрабандой оружия?! Он виновник смерти Ставроса и ареста Лукаса?! И Лукас считает, что она принимала участие в этом заговоре?!

Все это было чересчур. У нее вдруг закружилась голова. Но, по крайней мере, он не знает об Эффи...

Она провела дрожащей рукой по взмокшему лбу, убирая прилипшие к коже волосы. Ей надо поскорее обратно на виллу «Мелина», где она оставила свои вещи, а потом и на материк, чтобы оттуда улететь домой.

Она вышла на террасу, щурясь от яркого солнечного света, не имея понятия, попытается ли Лукас остановить ее. Она вообще не имела понятия, на что он способен. Только чувствовала, что он неотрывно следит за каждым ее движением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.